

Гимнастика правды

Беседа с драматургом Виталием Раздольским

Непросто складывается судьба художника. Бывает и такое. Театральному зрителю Виталий Раздольский, например, стал известен как драматург-сатирик еще в конце пятидесятых годов, когда он дебютировал на сцене МХАТа. Кстати, пьеса «Дорога через Сокольники» прошла по многим театрам страны. А вот его последующие комедии — «Беспокойный юбилей», «Знаки зодиака» и другие, хотя и имели популярность у зрителей, не вызывали энтузиазма у иного театрального и прочего начальства. Уже больно автор тяготел к жесткому, резкому отображению действительности, вытаскивая на свет божий «абсурдные» ситуации, увы, как мы теперь знаем, имевшие место в реальности...

Сегодня любителям театра предстоит узнать В. Раздольского в новом качестве — как автора остродраматичных произведений. В столичном Театре имени В. Маяковского идет пьеса В. Раздольского «В кольце тишины», рассказывающая об одном из локальных эпизодов жаркого лета 1942 года.

В Центральном театре Советской Армии идет работа над постановкой другой его пьесы — «Поздние зори, или Перекрестный допрос». Действие ее происходит в 1964 году: только что Пленум ЦК партии освободил Н. С. Хрущева от обязанностей Первого секретаря...

Впрочем, эти произведения были написаны В. Раздольским в середине шестидесятых годов. Как и пьеса «Вьюга», имевшая краткую сценическую судьбу и прошедшая только на периферии, так сказать, «отредактированном» варианте. Время ее действия — 1918 год, момент острейшей борьбы В. И. Ленина с Троцким. Собственно, с судьбы этой пьесы и начался наш разговор с драматургом.

— Мои пьесы, несмотря на их точную привязку ко времени, все же не о 1918, не о 1942 и не о 1964 годах, а и о том времени, когда они писались: ведь, создавая историческое произведение, писатель в конечном счете говорит с современниками. Сегодняшние события как бы руководят замыслом драматурга. Прежде чем взяться за пьесу о Ленине, я долго раздумывал в те годы над вопросом: почему наша художественная Лениниана пополняется произведениями, в которых заметны и некий рационализм, и одноплановость, и досадная изначальная схематичная заданность, показывающая Октябрьскую революцию в виде некоего незамысловатого сценария. Как это ни резко звучит, но именно такое представление о революции зачастую и давала наша тогдашняя драматургия.

Как всякий любознательный человек, которому дорога история собственной страны, я окунулся в документы, письма, в исторические материалы. И меня поразило, до какой же степени поверхностно позволяли мы себе воспроизводить в искусстве тему Революции! Речь идет, видимо, не только о недостатках нашей исторической образованности («белых» пятен тут у нас немало), но и о глубине, широте нашей культуры. Читая, например, Ленина, видишь, как пульсирует мысль в каждой его строке, как энергично он ищет истину, подключая и тебя к этому захватывающему процессу. Ничего общего с удручающим штампом «всезнающего», «непогрешимого» Ленина, к которому все приходило со своими сомнениями и от которого уходило просветленными. Так часто изображали его на сцене.

Я же задумал в своей пьесе «Вьюга» показать Ленина в реальных борениях тех дней — ищущего, атакующего, подчас в трудном общении даже с близкими. Для такого понимания этого центрального образа были все основания и исторического, и, так сказать, психологического порядка. Разве Ленину легко далась

мысль о Брестском мире? Осознание такой исторической необходимости возникло у Владимира Ильича не сразу. Для вульгаризаторов всякого рода даже мысль об этом — нестерпимая боль: потому и была ими проделана гигантская работа по нивелировке, по спрямлению истории. Таким образом, ушло, на мой взгляд, главное истинное величие Ленина — человека, который, чуточку вслушиваясь в свое время, сумел встать над своими сомнениями.

Несмотря на колоссальный авторитет вождя революции, Ленин постоянно и неустанно вел борьбу со своими оппонентами по главнейшим вопросам жизни молодого государства. Он понимал, что партия, совершившая величайшую революцию, может пострадать от «революционной фразы». Разрыв у иных революционеров между словом и делом революции. Ленин вел бой не с какой-то «тенью» — у него были реальные противники и оппоненты. Например, такой фигурой был Троцкий. И не надо забывать, этот деятель обладал прекрасными ораторскими данными и организаторскими способностями, умел поднимать аудиторию, но был при этом и противоречивым, и непоследовательным.

На его примере я хотел показать, как расцветает «революционная фраза», как она подменяет разумные поступки, чем — и трагически! — это кончается. Так задумывалась пьеса «Вьюга». Трудно рассказать, что я пережил в связи с ней. Когда пришлось защищать свои позиции во время всевозможных обсуждений — а я был с документами и выписками в руках, — то оказалось, что у моих редакторов и оппонентов была простая, заготовленная на все случаи фраза: вы говорите, ссылаясь на документы, — тем хуже для этих документов! После редакторской правки в пьесе не осталось и упоминания о Троцком. Надо ли говорить, как исказилась при этом историческая правда?..

Не проще было и с образом Александра Блока. Принятие Блоком Октября парадоксально. Поэт, как известно, сразу пришел в революцию. Еще вчера он тяготел к поэзии мистических иносказаний, а сегодня он — сторонник и сотрудник Советской власти. Однако так ли все это было просто? Автор «Двенадцати» и «Скифов», он вынашивал в эти же дни замысел пьесы о Христе, готовил сборник старых стихов, не отрекаясь ни от одной своей строчки. Но и здесь многое в моем замысле разбилось вдребезги о вульгарную социологическую схему.

Пьеса «Вьюга» была моей попыткой прорваться к родникам подлинности. Попытка эта тогда не удалась. Причины очевидны. Был выбор: создать произведение и положить его «в стол» или пойти путем привычных калькуляций, когда какую-то дозу правды и новизны необходимо разбавлять порцией казенной историографической «мертвой воды». Только в таком виде пьеса и могла увидеть свет. Сегодня, когда наконец гласность обретает свои права гражданства, я вновь возвращаю свою старую пьесу к жизни. Убежден, борьба с «революционной фразой» сегодня тоже актуальна. Как и возвращение к ленинским истокам — во всех сферах нашей жизни.

Пьеса «Поздние зори», премьера которой готовится в ЦАТСа, тоже не с простым сюжетом. Она рассказывает о работе людей в комиссии, рассматривающей дела тех, кто был несправедливо репрессирован в период культа личности. В центре драмы — член комиссии Зими́на. Знакомая с делом, которое тянется с 1942 года, разбираясь в сложнейшей судьбе некоего Русакова, Зими́на добирается до той степени истинности, когда ей становится не по себе от позиции тех, кто оправдывается фразами типа «я зако-

нов не устанавливал»... Это трагическая ситуация для честного человека.

Не буду пересказывать сюжет пьесы, скажу только, что во время войны, в ее первые месяцы, в той неразберихе, которая царилась на фронте, случилось разное, не укладывающееся в привычные схемы. Я здесь использовал факты собственной армейской биографии. Мой герой с горечью говорит: «Никак я со своей биографией в эту самую правду жизни не уложусь...» Правда — самая неправдоподобная вещь на свете. Вот и врем наперегонки, каждый в меру своих способностей...

Я взялся за эту болезненную тему не для того, чтобы посыпать раны солью. Считаю, что пора сказать о том, что степень соvrращения, ставшая почти нестерпимой в определенные годы, не коснулась высот нашего национального характера, что мы не были народом подлецов и доносчиков. Нам есть за кого не стыдиться! Для этого необходимо рассказать и о тех, кто прошел роковые годы и остался чистым, порядочным человеком. Мы вправе гордиться такими людьми. Для меня это чрезвычайно важно. Мы все восхищаемся Оводом, его негибкостью и героизмом, так давайте же не забывать и о собственных героях! Сегодня это — тоже нравственно необходимая тема в искусстве.

Потому как, на мой взгляд, наша главная беда — не бесхозяйственность. Это уже следствие, а причина в том, что появилось поколение, в котором оказалось немало «сутулых» людей. Поясню, что имею под этим в виду. Ведь «сутулому» человеку одним разрешением ходить прямо осанку не исправишь. Здесь необходима «гимнастика правды», чтобы он, если так можно сказать, наконец смог распрямиться!

К счастью, сегодня всякая попытка проталкивать вчерашние штампы и вчерашние калькуляции вызывает в людях внутренний протест. Время сметает, как картонные декорации, привычные модели — сценические, публицистические, пропагандистские. Но не следует забывать, что десятилетия методичного, «селекционного» редактирования всего, что претендует на сатирическое социальное мышление, не могли не сказаться на сатире.

Мало того, что мы утратили потенциальных сатириков, мы «подправили» и саму концепцию сатиры. Мы воспитали, что еще более страшно, определенную категорию зрителей и читателей, которые начисто не подготовлены к восприятию какой бы то ни было сатирической драматургии, кроме эстрадной. То есть восприимчивы лишь шутки, побасенки, иногда монолог с каким-нибудь чаще всего очень несложным внутренним ходом. Что же касается высокой сатиры, которая извечно была в самой природе российской словесности, то она просто отвергалась с порога.

Сейчас мы вступили в поразительно интересное для нашего общества время: художник держит экзамен на все те добродетели, которые предъявляет ему литература социалистического реализма. И потому мне хочется напомнить некоторым театральным деятелям, что нравственное начало художника — в его отваге и мужестве. Но при этом нельзя бравировать чужой смелостью. Я говорю об инсценировках нашумевших прозаических произведений. Это успех прозаика, романиста — его смелость. Учитывая свой фронтовой опыт, скажу, что хоть «второй эшелон» и празднует обычную победу, но, чтобы зайти в искусство «вторым эшелон», вслед за опубликованным романом, отваги не надо. Мужество наше проявляется в собственном пути, в подлинном открытии Правды.

Беседу вел
А. ЛАДЫНИН.

17/VI-88

ГОДЕСНАЯ ПУТЯ

231